

Вереск

и ком молчит

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

Вереск

Ульяна Соболева

**О ком молчит Вереск.
Вторая часть + бонус**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Соболева У. П.

О ком молчит Вереск. Вторая часть + бонус / У. П. Соболева —
«ЛитРес: Самиздат», 2020 — (Вереск)

Вереск давно умерла, истлела, и я забыла запах этих проклятых цветов на долгие годы. Они были под запретом в нашем доме... Но однажды мне прислали букет сиреневых, душистых колосьев, и я поняла, что ОН вернулся. Вернулся, чтобы снова заставить мое сердце корчиться в агонии, а душу гореть в огне безумия. Вернулся, чтобы наказать всех, кто виновен в его исчезновении. Альтернативная современность (автор может чудить). Содержит нецензурную брань.

Содержание

Аннотация:	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ульяна Соболева
О ком молчит Вереск. Вторая часть + бонус

О КОМ МОЛЧИТ ВЕРЕСК + бонус

Книга вторая

Ульяна Соболева

Аннотация:

Вереск давно умерла, истлела, и я забыла запах этих проклятых цветов на долгие годы. Они были под запретом в нашем доме... Но однажды мне прислали букет сиреневых, душистых колосьев, и я поняла, что ОН вернулся. Вернулся, чтобы снова заставить мое сердце корчиться в агонии, а душу гореть в огне безумия. Вернулся, чтобы наказать всех, кто виновен в его исчезновении.

#ХЭ

#СЛР

#Дикая любовь

#адюльтер

#мечь и жестокость

#альтернативная Италия

Глава 1

– Мне не нравится эта рубашка, мама. Она жмет мне в плечах.

Конечно, жмет, когда плечи такие широкие, как у пловца, а рост почти под два метра, а еще когда любишь свободу, и любое ее ущемление вызывает протест.

– Прости, мой родной, но на прием нельзя надеть футболку и джинсы.

– Почему нет? К черту эти условности. У нас двадцать первый век, мама.

Какой он взрослый, как смешно морщит нос, когда злится, как ярко сверкают его темно-карие глаза с золотистой каймой у зрачка, и беснуются иссиня-черные волосы. И как до боли он похож на... своего отца. Когда я встретила Паука впервые, ему было столько же. Пятнадцать. Такие же буйные волосы, огненный взгляд, чувственные губы. И ничего моего... Как назло, как будто сама природа истязает меня и смеется над моим желанием забыть предателя, закопать в самой глубокой яме и никогда не приносить на эту могилу цветы. Но он бессмертен в моей душе и тиранически жестоко одинок в моем сердце.

– Что такое, мам? Ты очень грустная. Тебя кто-то расстроил? Покажи мне этого мерзавца, и я оторву ему голову.

Горячий, дикий. Чуть что – в драку, чуть что – в самое пекло. Мой защитник. Такой высокий, сильный. Я встаю на носочки, чтобы поправить воротник его рубашки. Мне он пахнет ребенком, счастьем и всепоглощающей, абсолютной любовью. Для матери у сыновей нет возраста. Мой лев. Гордый и такой по-ребячески нежный.

– Я расстроена, что мой мальчик стал таким взрослым... еще немного, и оставишь меня, влюбишься, уедешь учиться в другую страну.

Схватил меня за руки и крепко сжал.

– Я никуда не уеду, мама. Без тебя. Ты для меня на первом месте. И я влюблюсь только в ту девушку, которая будет похожа на тебя.

Потрепала его по волосам.

– Ты такая красивая. Я не видел ни одной женщины, похожей на тебя, мама. Рядом с тобой они меркнут, растворяются. Даже мои одноклассники завидуют твоей красоте. Розетта заказала платье, как у тебя было на празднике цветов, а мать Селены сделала такую же прическу.

– Юношеская влюбленность в мать – обычное дело среди подростков. И никаких футболок!

Мами вошла в комнату сотрясая кулаками. Да... мы нашли Мами. Марко ее нашел. Это был подарок после росписи и штампа в паспортах. Живая, целая и невредимая Мами, которая устроилась работать в итальянском ресторане «Лапша Торичелли» в Чикаго. Мами, которая сменила имя на Мегги Швенсон и боялась собственной тени. Она оплакивала меня все эти годы и ходила на могилы к моим родителям.

Мами помогала растить моего Цезаре, моего маленького Цезаря. Она появилась тогда, когда мне казалось, что я сойду с ума от ожидания, тоски и мрака, окружившего со всех сторон. Она помогла мне не сойти с ума от предательства Сальвы, помогла снова сделать первые шаги после падения на колени. Оказывается, женщину не способна сломать жестокость любимого мужчины, но ее способно сломать его предательство.

– Маааа, ну есть же крутые футболки. Отец привез из Рима. Брендовские, отпадные. Я в этой рубашке, как идиот.

Покрутился перед зеркалом и дернул воротник, я его снова поправила.

– Фу! Что за сленг, молодой человек. И вообще – марш обедать. До вечера еще куча времени, а вы с утра только чай пили.

– С кексом.

– Вот именно. А мужчины должны есть мясо! Так что вперед и с песней есть индейку!

Голос Мами возвращал настроение, заставлял улыбаться и ощущать уют, ощущать покой, которого не было долгие годы. Покой, который отнял у меня Сальваторе ди Мартелли. И пусть я теперь ношу такую же фамилию, но это не значит, что я перестала ее ненавидеть.

Каждый день я представляла его... Представляла, где он сейчас, в каком уголке мира прожигает жизнь. Кто рядом с ним? Сколько женщин сходят по нему с ума? Есть ли у него дети от другой? Он ведь так и не видел, какой красивый, сильный и умный у него сын. Гордость моя. Мой лев. Мой Чезаре Микеле ди Мартелли. Да, второе имя моего мальчика – это имя моего отца. Марко не был против... за что я ему безмерно благодарна. Я за многое ему благодарна... но как же жаль, что благодарность нельзя превратить в любовь, и она не имеет ничего общего со страстью.

– Ну все. Сдаюсь. Вас слишком много. А с женщинами спорить бесполезно.

– Юный Дон Жуан! – всплеснула руками Мами, а он пошел к двери, а потом обернулся и спросил.

– Папа обещал, что сегодня перед приемом мы поедем в Палермо. Ты поедешь с нами? Или останешься отдавать распоряжения насчет вечера? Я бы хотел, чтобы ты поехала, мама.

– В Палермо? Зачем? – чуть побледнев спросила я, поправляя белые лилии в вазе. Марко неизменно дарил теперь только их. Он почему-то решил, что они мне нравятся, и я не разубеждала его в этом.

– Посмотреть дом, в котором родился он и дядя Сальваторе.

От одного упоминания имени у меня закружилась голова, и я впилась пальцами в спинку кресла. Зачем Марко говорил с Чезаре о Сальве? Что именно они обсуждали?

– Разве интересно ходить по развалинам? – тихо спросила и поправила шторы, стараясь не смотреть на собственные дрожащие руки. – За домом никто не ухаживает. Там все заросло и пришло в упадок. Отец даже не может его продать.

– Ну вот, сразу видно, что с папой ты общаешься очень мало в последнее время. Покупатель нашелся. Именно поэтому я хочу посмотреть на дом, пока есть такая возможность. Говорят, этот дом принадлежал еще Амбросио Луке ди Мартелли. В 1845 году сам король подарил ему эту землю. Наш род Мартелли берет начало из середины семнадцатого века, и самый первый мужчина из нашей семьи был художником из Венеции.

– Ты интересовался историей рода?

С восхищением глядя на воодушевленное лицо сына, на его сверкающие глаза и легкую щетину, появившуюся на смуглых щеках... И перед глазами дежавю. Такое же лицо, такие же длинные руки, и волчонок, вырывающийся из капкана. Я смотрю на него снизу вверх с таким же восхищением.

– Да, я интересовался историей нашей семьи. Про свою ты мне мало рассказываешь. Вернул из воспоминаний, вызывая волну нежности.

– У моей семьи заурядная история эмигрантов. Ничего интересного. Им не сравниться с родом Мартелли.

– Когда мне исполнится восемнадцать, я уеду в Россию и все узнаю сам.

– Хорошо. Договорились. А пока что иди обедать, иначе Мами тебя накажет.

Он ушел, а я прислонилась лбом к окну и закрыла глаза. Оказывается, слышать его имя все так же больно и невыносимо. Пятнадцать лет. А я помню все, как вчера. Как будто моя память издевается надо мной. А говорят, что время стирает остроту восприятия... изменяет мышление.

– Он расстроил вас, моя девочка?

Мами подошла сзади и обняла меня за плечи.

– Я хочу забыть этот дом... я ненавижу его так же сильно, как и его отца!

– Дом всего лишь здание, всего лишь камни, стены, ограда. Его купит кто-то другой и снесет или перестроит так, что не узнать. Не место хранит боль, а наша память. Но от нее не убежишь.

Я глубоко вздохнула. Мама права. Дело не в доме, а во мне. Я обречена, я проклята какими-то высшими силами любить ненавистного человека и только его. Любить и не стать счастливой с тем, кто был достоин этого больше всего.

Она провела руками по моим волосам, приподняла тяжелую косу. Она продолжала по утрам заплетать их в косу, как делала это в моем детстве.

– Какие великолепные у вас волосы. Время не властно над вами. Они густые и пышные, длинные, как шелковое покрывало. Ни одной морщинки или складочки, ни одного грамма жира. Тело, как у нимфетки, нежная кожа, коралловые губы. Вы заключили сделку с дьяволом? Иначе как можно быть настолько красивой?

– Ты мне льстишь, Мама... мне уже тридцать пять. Какая из меня нимфетка?

– Вам не дашь и двадцати пяти. Ваш сын рядом с вами, как младший брат. Мужчины сворачивают головы вам вслед, а женщины завидуют лютой завистью. Я знаю, что говорю. Я многое повидала в этой жизни... но такой красоты не встречала никогда. С годами ваши глаза стали еще ярче... в них появились грусть, глубина и загадочность.

– Мамиии, ты необъективна, ты просто любишь меня, и я для тебя всегда буду маленькой.

К дому подъехала машина моего мужа, и Мама отпустила меня. Отпрыгнула от окна.

– Я пойду на кухню. Дел полно. Заболталась здесь с тобой.

– Не поздороваешься с Марко? Он наверняка привез тебе из Рима мармелад, как ты любишь.

– Поздороваясь. Чуть позже. Обязательно.

И неестественно улыбнулась. Мама. Она совершенно не изменилась. Казалось, время не властно над ней. Лишь больше седых волос и ни одной морщины на лоснящемся черном лице. Как же сильно я ее любила, она стала для меня самым родным человеком после Чезаре.

– Ты занят?

– Для тебя я всегда свободен.

Марко улыбнулся и придержал дверь, пропуская меня в кабинет. Как всегда, выглядит аристократично в элегантном костюме, с причесанными назад волосами, чисто выбрит, благоухает дорогим парфюмом. Кто бы сказал, что этого человека будут уважать и бояться? Кто бы сказал, что он продержится в кресле капо долгих пятнадцать лет, и люди будут присягать ему в верности? Кто бы сказал, что он сможет занять место Сальваторе и получить верность его людей.

Все так же худощав, угловат, но статус, власть и умение подать себя скрадывали недостатки... Для всех, кроме меня. Для меня Марко не изменился. Как и мое отношение к нему.

– Спасибо... Чезаре сказал мне, что ты собрался отвезти нас в Палермо.

Марко вернулся к столу, открывая кейс, доставая оттуда документы.

– Да. Он просил показать, где проходило его детство, и я не считал это чем-то ужасным. Пусть мальчик знает, что от него ничего не скрывают.

– Вы говорили о... о нем?

На доли секунд Марко удержал бумаги в руках, а потом все же положил на стол.

– Да, мы говорили о нем. И это неизбежно, Юля. Он существовал, он был членом нашей семьи.

– Существовал... ты всегда говоришь в прошедшем времени.

Повторила я и закрыла дверь кабинета.

– Ты хочешь рассказать Чезаре, что он не твой сын?

– Нет! Конечно же, нет! Он приезжал ко мне в офис, я рассказывал ему о делах корпорации, и мне позвонил маклер. Появился покупатель на дом. Чезаре задал вопросы, и я на них ответил, а потом пообещал ему экскурсию. Он захотел взять тебя с собой...

– А почему не сказали об этом мне?

Марко пожал плечами.

– Случая не подвернулось. Ну вот ты уже знаешь. Что такое? – снова подошел ко мне и коснулся кончиками пальцев моего лица. – Что тебя беспокоит? Пусть посмотрит на дом. В твой День рождения сделай ему такой подарок.

Увернулась от прикосновения, и Марко сжал пальцы в кулак, поджал губы.

– Я думал, что после моей поездки в Рим ты обдумаешь наш последний разговор... Юля. Я говорил с падре Бернардо, и он может это сделать прямо сегодня... Как раз соберутся гости, наша семья.

Вздрогнула, когда напомнил, и отошла к полке с книгами, машинально начала их поправлять.

– Прости... но я пока не готова.

Оказался сзади и положил руки мне на плечи.

– Я ждал пятнадцать лет, любимая. Пятнадцать. Все это время наш брак был фикцией, всего лишь бумажкой, соглашением. Я ни о чем тебя не просил и не настаивал. Я любил тебя молча и преданно.

Развернул меня к себе.

– Прошли годы... а моя страсть неизменна, я жажду тебя, хочу тебя. Ни одна другая женщина не заняла твоего места в моем сердце. Давай начнем жить... друг для друга. Давай обвенчаемся. Ты подаришь мне детей....

Я высвободилась из его объятий и отошла к журнальному столу со свежей прессой.

– Я не могу венчаться с тобой, Марко... я уже венчана.

– ТЫ? Или некая, как ее там звали, я не помню!

– Я! Там была я! Приносила клятвы, обещания... Я! Какая разница, какое имя произносилось. Там была я.

– И что! Ты по-прежнему считаешь, что принадлежишь ему? Ты это чувствуешь?

Снова схватил меня и сдавил своими на удивление сильными руками.

– Он давно мертв. Даже если бы это венчание было настоящим, ты уже стала вдовой.

– Ложь!

Повернулась так быстро, что Марко от неожиданности отпрянул назад.

– Он жив! Я знаю, что он жив! Если бы он умер, я бы почувствовала!

– И за пятнадцать лет ни разу не объявился? – усмехнулся Марко и поправил галстук. – Какая разница, что с ним? Имеет значение, что я рядом, что мы с тобой вместе и можем быть счастливыми, Юляя.

«– Но им не сравниться с твоими глазами, Вереск.

Марко вышел из комнаты, а Сальваторе стянул с моего плеча рукав платья и прижался к коже горячими губами.

– В другой стране мы начнем все сначала. Слышишь? Ты будешь счастлива. Я обещаю. Я повела плечом, отстраняясь.

– Не обещай... я никогда не буду с тобой счастлива.

– Почему? – страстно спросил он и силой прижал меня к себе.

– Воскреси моих родителей и только потом проси быть счастливой с тобой. Верни мою жизнь, мою беззаботность... верни Вереск!

Резко развернул меня к себе.

– *Вот она – Вереск... смотрю на нее, вдыхаю ее запах. Она источает восхитительнейший аромат.*

– *А мне воняет трупным смрадом. Ты...ты воняешь смертью!»*

Быстро начал ковыряться в кармане, достал бархатную коробочку, поправил очки и протянул коробочку мне.

– Открой.

Я нерешительно приподняла крышку и судорожно глотнула воздух.

– Обвенчайся со мной и стань мне настоящей женой, раздели со мной постель.... роди мне детей.

Я смотрела на кольцо, чувствуя, как тяжело сдавливает мою грудь, как трудно дышать. Он прав. Он больше всех достоин стать моим мужем, достоин любви. А что, если попробовать. Что, если дать нам шанс. Столько лет прошло. Паук давно забыл обо мне. Паук... проклятый, лживый Паук, предатель, ублюдок, бросивший меня умирать, бросивший нашего ребенка...

В двери постучали, и я отошла вместе с кольцом к окну, сдавливая коробочку и чувствуя отторжение, чувствуя, как внутри я не готова принять это предложение.

– Там внизу посыльный с цветами для синьоры.

Отодвинула штору и вцепилась в нее помертвевшими пальцами, застыла, глядя, как в дом заносят огромный букет вересковых колосьев, перевязанный желтой лентой. Уронила коробочку, выскочила в коридор, сбегала по лестнице и схватила посыльного за рукав.

– Кто! Кто прислал эти цветы?

От неожиданности паренек быстро заморгал.

– Простите, синьора... не знаю. Мы – служба доставки... я – курьер.... цветы заказали через сайт, наверное.

– Вереск через сайт? Кому нужны эти сорняки! А записку! Что-то оставили?

– Ниннет, ничего не оставили. Простите, синьора, что-то не так? Вы можете оставить жалобу на сайте, вот наша визитка и... Хотите, я унесу букет?

– Нет... давай сюда.

Забрала цветы, и от запаха вереска закружилась голова.

– Бруно, дай этому мальчику на чай.

Долго смотрела ему вслед, сжимая в руках огромный букет, и чувствовала, как подгибаются колени и темнеет перед глазами.

– Ты обронила мой подарок, любимая.

Обернулась, посмотрела невидящим взглядом на Марко, а тот покрутил у меня перед глазами бархатной коробочкой.

– Да... уронила. Оно прелестно. Извини. Я пойду к себе. У меня голова разболелась.

– Бруно! – зычно крикнул Марко, впившись взглядом в букет. – Вышвырни этот веник в мусор!

– Нет! Не надо! Пусть останутся!

Рука Марко сомкнулась на моем локте.

– Что? Представила, что они от него? Не лсти себе! Даже если он и жив, ему всегда было плевать на тебя!

– Отпусти! – попыталась выдернуть руку, но он сжал сильнее. – Ты делаешь мне больно, Марко! Отпусти меня немедленно!

Пальцы разжались, и его худое лицо обрело самое обычное выражение растерянности. Как будто на меня смотрел совсем другой человек. Злобный оскал тут же исчез.

– Прости, я не знаю, что на меня нашло. Иди... переоденься, поедem посмотреть дом. Отдай эти сорняки Бруно.

Я долго смотрела Марко в глаза, продолжая сжимать цветы в руках.

– Хорошо... поедem в Палермо.

И унесла букет в свою комнату. Я знала, что Марко смотрит мне вслеd, что в его ладони по-прежнему лежит бархатная коробочка, и я не дала ответ на его предложение.

Глава 2

Я не была здесь с момента моего побега. Когда-то этот дом казался мне ненавистным, отвратительным, мерзким, а сейчас чем ближе мы подъезжали, тем сильнее билось мое сердце. Тем большее оно дергалось в груди.

Нет, Мама, ты не права. Дом – это важная частичка памяти. Ее физический образ, ее воплощение с ожившими запахами, звуками, голосами. У дома есть душа. Она хранит, намного больше, чем фотографии. Дом всегда полон призраками счастья и горя, любви и смерти. Дом – это живой организм, способный ранить и исцелять. И боль становится сильнее, перестает быть фантомной, ее можно потрогать пальцами, как вырезанные на дереве буквы В и С, затянувшиеся светлой корой, но оставшиеся там навечно. Я провела по ним пальцами, закрывая глаза и вспоминая, как он вырезал их ножом у меня на глазах. Увидела, как раскачивается длинная ветка, на которой на какие-то мгновения возник образ черноволосого парня, играющего на гитаре для девочки, выглядывающей в окно. У нее восторженные глаза, и она до безумия влюблена в своего ночного музыканта. Настолько влюблена, что могла принять нож вместо него и получить удары плетью. И ее любовь бессмертна, как сама музыка. Она все еще живет в ней вместе с ненавистью. Вплелась в ее медовые волосы, растворилась в глазах и развела ей сердце.

А сейчас она смотрит моими глазами снизу и чувствует, как больно сжимается ее сердце, как невыносимо тянет туда, в прошлое, где все было можно... Там, где Вереск смеется и прячется за деревьями от Паука.

– Мама!

Голос сына вырвал из оцепенения, и я обернулась, вынуждая себя улыбнуться.

– Мам, а ты говорила, здесь развалины. Смотри, все уцелело. Отец показал мне конюшни, веревочные лестницы, старую беседку. И еще кое-что. Пойдем.

– Куда?

Я засмотрелась на него, залюбовалась им с щемящим сердцем и ощущением, что вот-вот разрыдаюсь. Потому что похож. Потому что невероятно, невысказанно похож. Как будто только что слез с ветки того самого дерева.

– Что такое, мам? Ты плачешь?

– Нет, – обняла его и спрятала лицо у него на груди, – я просто очень сильно люблю тебя.

– И я тебя люблю. Идем. Давай же... быстрее.

Я позволила себя увлечь в глубь заросшего сада, но чем ближе мы подходили, тем тяжелее становилось дышать. Весь сад, вся его огромная площадь заросла вереском. Он колыбался от ветра сиреневыми волнами, как будто там бушует фантастическое море.

– Эти цветы... они так похожи на твои глаза.

Вздрогнула и обернулась к сыну. Он с восхищением смотрел на вереск.

– Да. Что-то есть.

– Совсем не что-то, – голос Марко раздался совсем близко и разрушил все очарование увиденным. На нем был костюм для верховой езды, и вьющиеся черные волосы развевались на ветру, как и у Чезаре, – когда-то ее так и называли – Вереск.

– Вереск.

Повторил сын, и внутри все закровоточило, захотелось хорошенько потряхнуть Марко.

– Маме подходит, да, очень подходит.

– Но она запретила так ее называть.

– Почему? – искренне удивился Чезаре и сорвал пару колосьев. – Мам, почему?

– Потому что меня зовут Юлия, и я не хочу никаких кличек. Тем более я давно выросла из уменьшительно-ласкательных.

Настойчивым взглядом посмотрела на Марко, и тот меня понял.

– Чертовые сорняки разрослись так, будто их нарочно здесь высадили.

Он выдрал несколько колосьев и швырнул в сторону, прошелся по ним сапогами, втоптывая в землю.

– Так кто покупает этот дом? – спросила и отвернулась от вереска и от собственных воспоминаний.

– Не знаю, какой-то неизвестный человек, у которого очень много денег отстраивать эти развалины. Завтра подпишем документы, и прощай, Палермо. Но у меня для тебя другой сюрприз.

Он присвистнул, и его человек привел к нам трех лошадей.

– Прокатимся? Здесь есть еще одно место, которое стоит посмотреть.

Марко помог мне взобраться на коня, затем сам ловко запрыгнул в седло, невзирая на хромоту, как и Чезаре, с детства приученный к лошадям.

– Окунемся в детство твоей мамы. Здесь недалеко.

Да... Марко, конечно, все продумал. Вызвал у меня благоговейный трепет, заставил плакаться, когда я оказалась в своей детской, которую давно перестроили нынешние хозяева, когда спустилась в сад и смотрела на окна, увитые декоративными розами.

Мой муж договорился с владельцами поместья о нашем визите. Хозяев не было. Они оставили ключи и приказали управляющему нас впустить. Еще бы они отказали капо ди Мартелли. Никто бы не посмел. Да, Марко был нежным мужем, чутким отцом, но он был жестоким капо, перед которым дрожали подчиненные и члены клана... Но я не вникала в его мир. Он меня не касался. И, нет, это не попытка спрятать голову в песок, как страус, это полное принятие своего выбора жить в этом мире. И я знала, что рано или поздно место Марко может занять мой сын. И я хотела этого... когда-нибудь, когда настоящий отец Чезаре появится, если это произойдет, он столкнется с сильным, крепким и влиятельным человеком. Человеком, который будет стоять во главе семьи Мартелли вместо предателя, который был фальшивым мужем и не стал отцом.

Пока Марко водил Чезаре по дому, я зашла в свою комнату, распахнула настежь окно, выглядывая в сад. Как же сладко и больно внутри. Руки дрожат, прикасаясь к цветам, к оконной раме и к прошлому...

«– Ты чего там возишься, малая? Давай перелезь!»

Легко сказать, когда в тебе метр пятьдесят роста, а ограда два метра. Кое-как я забралась наверх, цепляясь за ветки виноградника, а спрыгнуть не могла. Так и топталась наверху, глядя на задранное ко мне лицо Паука.

– Прыгай!

– Я высоты боюсь!

– Я поймаю!

– А если нет?! Может, ты косоглазый и криворукий!

– Сейчас залезу наверх и сброшу тебя оттуда.

– Только попробуй!

– Прыгай, я сказал! Или ты трусливая девчонка, Вереск?

Зажмурилась и прыгнула. Горячие, большие руки подхватили под мышки, и на какие-то доли секунд я прижалась всем телом к его груди. Уловила аромат лайма, сигаретного дыма и запах его кожи. Слегка закружилась голова, и я подняла на него удивленный взгляд. Какие чудесные глаза вблизи, и эта желтая кайма, как золотой ободок. Захотелось тронуть кончики его бархатных ресниц»

Сама не поняла, как вылезла на подоконник, как спустилась вниз, и сердце снова болезненно защемило. Где-то вдалеке промелькнула чья-то тень. Я вздрогнула.

– Эй!

Окликнула и пошла следом, ускорила шаг в сторону ограды, уводящей к заповеднику. Мне показалось, что туда кто-то пошел быстрым шагом, словно укрываясь от меня.

– Эй! – крикнула еще раз и подошла к старому сараю, где когда-то мы с Сальвой прятали маленького волчонка. – Кто здесь?

Толкнула дверь и увидела, как хлопнуло окно в сарае. Выбежала наружу, чтобы посмотреть, но там никого не оказалось. А сердце бьется сильнее, тревожней, и мне... мне кажется, что в воздухе витает запах лайма, до ломоты в костях знакомый, режущий лезвием по обнажившимся венам. Быстрым шагом к ограде, ко вторым воротам – они приоткрыты, как будто только что кто-то через них вышел. Толкнула обеими руками, пошла следом. Запах преследует, забивается в ноздри, и я хочу заорать от отчаяния. Все быстрее и быстрее, побежала, пока не выскочила к ручью. Застыла, тяжело дыша, наполненная воспоминаниями до краев, как этот бурный водоем. Вот-вот польется через край.

Шаг за шагом к воде, и перед глазами ОН, сжимающий мою талию, мои плечи, жадно впивающийся губами в мои губы. Позади треснула ветка, и я резко обернулась, колыхнувшись кусты.

– КТО ЗДЕСЬ?! – крикнула и услышала эхо собственного голоса.

А затем тихий рык, на низкой ноте, и из-за кустов выходит волк. Старый, хромой, словно седой, приземистый, на худых, кривых лапах, со вздыбленной холкой, и я сделала шаг к воде, назад, испуганно прижимая руки к груди. Волк пошел на меня, потом побежал и вдруг прыгнул, толкая передними лапами, облизывая мое лицо, и я его узнала. Божееее! Я его узнала. Смерч! Это он! Мой старенький Смерч. Сколько лет прошло.

– Смерч...хороший мальчик. О Боже! Как? Как ты узнал меня? Ты еще жив? Мой старичоооок. Как же я рада тебя видеть!

Трепала его за ушами, тискала за жилистую, старческую шею, прижалась к ней лицом, и в ту же секунду сердце ухнуло в крутую, черную пропасть. Запах лайма. Такой отчетливый, едкий от жесткой шерсти волка. Как будто...как будто его обнимал кто-то еще до меня. Вскочила на ноги, оглядываясь по сторонам, не обращая внимание на радостное повизгивание волка, сжимая руки в кулаки, чувствуя, как от напряжения болит каждый нерв.

Но вокруг меня тишина, вокруг деревья и прошлое. Оно кружится картинками в воздухе, смехом, музыкой, и я близка к истерике, мне кажется, я схожу с ума.

– Мама! Вот ты где! Мама! Не двигайся! Мамааааа!

Чезаре увидел волка, и его глаза широко распахнулись от ужаса, рядом появился Марко и тут же выхватил пистолет, а Смерч прыгнул, закрывая меня от них, оскалился и утробно зарычал.

– Нет! Нет, не стреляй. Это...это Смерч! Слышишь? Ты помнишь его?... он хороший. Он меня не тронет. Марко! Нет!

Но Марко меня словно не слышал, он дернул затвором и прицелился. Волк прыгнул, и Марко бы выстрелил, если бы Чезаре не схватил его за руку и не направил ее в другую сторону. Пуля просвистела где-то в кроне деревьев, волк убежал, а я, вся дрожащая, смотрела, как мой сын отшвырнул руку отца, а потом бросился ко мне и крепко обнял, прижимая к себе.

– Ты что, пап! Ты напугал маму!

– Это дикое животное. Кто знает, на что оно способно! – проворчал Марко, пряча пистолет, и я видела по его глазам – он узнал Смерча, но предпочел сделать вид, что это не так. – За нами приехала машина. Мне нужно срочно выезжать. У меня до вечера есть дела. Китайцы перекрыли мне кислород в Риме и Венеции.

Глава 3

Я буду ждать тебя всегда

Назло всему и бесконечно

Не завтра, не вчера, а вечно

Где никогда не видно дна

Нет никакой исходной точки

Из ниоткуда в никуда

Без права доступа, фатально

Как апокалипсис... глобально

Отбиты наши имена...

И я всегда найду тебя

В еще одной твоей вселенной

Или дождусь я, непременно

Когда отыщешь ты меня...

(с) Ульяна Соболева

Обратно домой мы ехали в полной тишине. Сын сжимал мои пальцы, а Марко говорил по сотовому. Показушная идиллия. Видимость семьи и мира, игра при посторонних в счастливую пару, сон в разных спальнях, но входим всегда в одну, чтобы слуги не судачили. За пятнадцать лет я не позволила даже прикоснуться к себе. Пятнадцать лет отвечала «нет» на предложения о венчании.

Нет, это не был страх предать того, кто давно меня предал, я не хранила верность подлецу и убийце. Я просто не могла. Мысль о другом мужчине вызывала у меня тошноту. Чужой запах, чужое тело, чужие руки. Я была создана только для одних. Возможно, со мной что-то не так, и я психически нездорова, но мое тело омертвело и отзывалось лишь на грязные сны и ненавистные фантазии о проклятом Пауке. Я не могла быть с Марко из жалости или в виде подачки, а изменять ему с кем-то было бы ниже моего достоинства.

Как всегда, Марко на телефоне. На пальцах блестят кольца, сверкают золотые часы на запястье. Между ног зажал трость с таким же золотым набалдашником. Он любил все вычурное, громоздкое, как будто подчеркивал свой статус и величие. Если что-то дарил, то обязательно огромных размеров. Чтобы все видели его щедрость и возможности. Это была черта,

которая мне не нравилась. Но мне так же было все равно. Не мне воспитывать Марко ди Мартели. У меня для этого есть сын. Я вкладывалась лишь в него и лишь в нем видела смысл своего существования.

– Что значит весь товар исчез? Каким образом? Я не понимаю! Вы взяли деньги, а товара больше нет? Ты с ума сошел? Нам не нужны разборки с Цяо! Это было мирное соглашение против этого неувовимого Чжичжу Линя! Найди товар! Найди его так быстро, как только сможешь, иначе я тебя живьем сожгу! Сукин сын... откуда он взялся этот Чжичжу?!

– Марко!

Посмотрел на меня и отвернулся к окну. Мне не нравилось, когда такие приказы отдавались при нашем сыне и при мне, и мой муж прекрасно знал об этом.

– Я сказал, разобраться!

Выключил сотовый и дернул галстук, освобождая горло.

– Включи кондиционер! Мне жарко! – рявкнул водителю, но его сотовый снова зазвонил.

– Да! Чтоооо? Почему отказались? Мы дали выгодные цены и... Что? Опять Чжичжу Линь? Я не знаю, кто это! Скажи им, мы опустим цены еще ниже, или пусть убираются с нашей земли и торгуют, где хотят, но не в Риме! Значит, будем воевать! Мы на своей земле!

Отключил звонок.

– Проклятые китайцы. Что ж им нейдет. Где только взяли столько поддержки от Гуеццо и Алессио, кто за них поручился! Какая тварь пошла против меня!

Скорее, сам себе, чем кому-то. Потом посмотрел на меня, и его яростный взгляд смягчился.

– Прости, что в такой день я о делах. Но это касается всей нашей семьи и нашего будущего.

– Что-то серьезное?

– Нет... не настолько, чтобы испортить твой день, любимая. Просто слишком много всего навалилось.

Любимая. Он называл меня так много лет. И я позволяла ему это делать, но в ответ никогда не сказала даже «дорогой». Только по имени. Я не любила все эти пафосные уменьшительно-ласкательные.

– Папа, когда ты введешь меня в курс дела? Когда состоится посвящение? Я хочу помочь тебе! Хочу быть частью клана!

Горячо воскликнул Чезаре, и я увидела, как усмехнулся Марко. Он явно наслаждался этими просьбами.

– Твоя мама против. Давай вернемся к этому разговору после твоего совершеннолетия.

И перевел взгляд на меня, я слегка кивнула. Да, еще рано. Пусть Чезаре успеет побыть ребенком, успеет пообщаться со сверстниками, заниматься музыкой и языками, успеет полюбить девушку, а не влезть в кровавое месиво... как когда-то влез его родной отец, которого уже в пятнадцать боялись и называли Пауком.

Я все еще не любила гостей. Меня напрягали чужие лица, лебезящие рты, лицемерные комплименты. Но статус обязывал устраивать не просто банкеты, а целые пиршества с фейерверками, музыкантами, певцами, грандиозными шоу и фонтанами, принимать десятки людей в своем доме, обеспечивая им ночлег и шикарные завтраки на утро. Жена Капо должна была позаботиться об уюте, достатке, стиле. И Марко было не в чем меня упрекнуть. Я всецело выполняла свою часть договора, как и он свою. И мне искренне жаль, что ничего больше этого я дать ему так и не смогла.

Мами помогала мне надеть светло-бирюзовое платье с пышной юбкой, открытыми плечами и такими же пышными рукавами. Невесомая, тонкая ткань создавала иллюзию брызг воды и морской пены. Она уложила мои волосы в высокую прическу, выпустив несколько прядей у шеи и на висках.

– Девочка. Совсем девочка. Ваш сын рядом с вами смотрится, как ваш ровесник.

– С годами ты льстишь все больше и искусней.

– Да чтоб мне сгореть на месте.

Мами поправила воланы на рукавах и сдула невидимые пылинки.

– Идите. Гости уже шумят в нетерпении.

– А ты? Выйдешь к гостям?

– Я прислуга, а прислуге не пристало шастать среди леди и джентльменов.

– МАМИ! – я повысила голос и нахмурилась. – ТЫ НЕ ПРИСЛУГА! Ты член нашей семьи. Поняла? Мы все относимся к тебе, как к родной, и любим тебя. Переодевайся и выходи к гостям. Я буду ждать.

– И я!

Чезаре заглянул в комнату, восхищённо присвистнул на мое платье, получил подзатыльник от МАМИ за свист и тут же подставил мне руку.

– Пришел сопровождать самую красивую женщину во Вселенной.

Мы спустились по ступенькам вниз, к гостям. На меня набросились с поздравлениями, со льстивыми речами и поцелуями. В следующем году я попрошу Марко в этот день улететь на необитаемый остров, подальше от всех.

– Какая красавица. Чезаре напоминает вашего жениха, а не сына.

– У меня уже есть муж. – лучезарно улыбаясь, ответила наглой особе с белокурыми локонами. До меня доходили слухи, что она – любовница Марко. Но слухи – это последнее, что меня интересовало.

– Это правда, что в честь вас создана статуя в Венеции?

– Статуя? – удивленно спросила и обвела взглядом гостей, выискивая Чезаре.

– Да. Так говорят. Я только что оттуда, и вы действительно на нее похожи.

– На кого?

Сын обещал сопровождать меня весь вечер и не оставлять здесь одну.

– На статую. Она называется «Юлия на рассвете».

– Как мило.

– Ее привезли из Китая, она создана из розового мрамора.

– Всего лишь просто похожа.

Прошла мимо двух щебечущих о статуе женщин и направилась к сыну, как вдруг раздался характерный треск в микрофоне, и все голоса стихли.

– Любимая!

Я обернулась и увидела Марко, стоящего на возвышенности с торжественным выражением лица.

– Любимая, сегодня очередная самая важная дата в моей жизни. День, когда на свет появилась такая невероятная женщина, как ты. Моя любимая, моя подруга, сестра, мать моего сына, мое все!

Боже! Как же я не любила весь этот пафос, в котором Марко напоминал мне своего отца Альфонсо. Зачем все это? Зачем показное счастье выпячивать еще больше?

– В этот счастливый день я решил сделать подарок нам обоим и... вознести нашу любовь еще на один уровень выше.

Улыбка пропала с моего лица... и только сейчас я заметила, что рядом с ним стоит мужчина в сутане. Марко все же решил надавить на меня, заставить принять его предложение прилюдно, не дать мне возможности отказаться.

– Ввиду обстоятельств мы с тобой стали мужем и женой только перед людьми, но пришло время стать ими и перед Господом Всемогущим! Я, Марко ди Мартелли, хочу обвенчаться с тобой, моя Юлия.

Он протянул руку с открытой коробочкой вперед, бриллианты засверкали под ярким светом огромных хрустальных люстр, под аплодисменты и умиленные возгласы, под стук моего сердца.

– Скажи, ты обвенчаешься со мной? Да или нет?

– Соглашайся, мам! – шепот Чезаре на ухо.

Тяжело дыша от злости, от ярости, что заставляет вот так подло, с таким сильным нажимом, при сыне, при гостях, при членах семьи. Ступила еще шаг и вдруг услышала этот звук. Его слышали все. Свист. Вначале тихий, потом нарастающий руладой. Кто-то насвистывал Марш Мендельсона. И внутри меня все холодело, мое сердце перестало биться, оно зашлось в немом, сумасшедшем крике. Все тело наполнилось инеем, а потом враз отмерзло, загорелось, запылало адским огнем. Я смотрела на смертельно бледное лицо своего мужа, на вытянутые лица гостей и медленно поворачивалась на свист... чтобы мгновенно сорваться в пропасть и полететь в нее на адской скорости, чтобы на дне свернуть себе шею, чтобы изрезаться там на куски о ЕГО взгляд, который вспорол все эти годы, как острое, окровавленное лезвие.

Он стоял там... у распахнутых настежь дверей и издевательски улыбался. Сальваторе ди Мартелли вернулся.

Глава 4

Свист прекратился, и он громко захлопал в ладоши. Эхо разнеслось под сводами дома и задребезжало у меня в ушах.

– Bravo. Какой прекрасный подарок на День рождения. Позвольте присоединиться к поздравлениям невест...ке.

Зловещая, гробовая тишина все еще висела в воздухе и дребезжала мягкими, вкрадчивыми нотами в его бархатном голосе. Я была близка к обмороку и вцепилась в руку сына. Я понимала, что давлю ему пальцы, но ничего не могла с собой поделать. Я смотрела на лицо Сальваторе и задыхалась. Сколько раз думала об этой встрече, представляла ее себе, но и на секунду не приблизилась к реальным ощущениям, которые испытывала сейчас, пожирая его лицо, его фигуру, его всего. Изменился. Пятнадцать лет поставили отпечаток на нем, поцеловали седыми ниточками его виски, пролегли морщинками в уголках глаз, спрятались в сильном подбородке, под аккуратной щетиной, отразились в его фигуре. Он стал мощнее, больше...и намного опаснее. Я эту опасность ощутила каждой мурашкой на своем теле. Эту матерость, эту глубину чудовищной бездны, которая засасывала всех окружающих адской харизмой. Он поработил каждого одним лишь взглядом своих дьявольских черных глаз, в которых отразилась мрачная тень прошедших лет, как осадок из пепла на дне сторевавшего абсента.

И этот осадок подходил ему, добавлял шарма и красоты. Черной, тяжелой, той, от которой больно дышать и хочется стать на колени. Волк превратился в опасного, дикого, заматеревшего зверя. И мне отчего-то стало жутко. За себя, за Чезаре и за Марко. Потому что я видела на дне этих глаз темноту, заволакивающую, злую темноту, и в ней притаилось чудовище, которое вернулось, чтобы сожрать нас всех.

– Кто...кто это, мама?

Тихий шепот Чезаре, но его, казалось, услышали все присутствующие.

– Ооо, я так ошарашил твою мать и своего брата, что они проглотили языки и не могут меня представить племяннику. Я – Сальваторе ди Мартелли, малыш, я – твой дядя. Вернулся из далекого путешествия и поспешил к самым дорогим мне людям, которые так меня ждали.

Сказал с издевкой, не прекращая смотреть мне в глаза и не прекращая улыбаться. И эта улыбка была невыносимой, адской, чудовищной.

– Ну что ты так оторопел, братишка. Это же я. Твой Паук. Твой старший брат. Иди обними меня! Или ты не рад мне?

Раскрыл объятия моему мужу и пошел навстречу быстрой, грациозной походкой. Какой ужасающий фарс. Какое страшное представление.

– Сальвааа, – словно пришел в себя Марко и раскрыл объятия в ответ. Они обнялись крепко, как давние друзья, похлопывая друг друга по спине. – Чертов ты! Проклятый подонок. Где ты был все эти годы? Гдеее? Я готов застрелить тебя за пятнадцать лет молчания!

Напряжение спало. Гости начали аплодировать, приветствуя Сальваторе, пожимая ему руки. Тяжело дыша, я продолжала сдавливать пальцы сына. Все так просто? Он заявился через пятнадцать лет и...все должны обрадоваться? Какой камень за пазухой принес этот жуткий гость, или там целый камнепад? И как скоро эти камни посыплются на наши головы?

– Мам... что с тобой? Ты такая бледная. Тебе плохо?

– Н...нет...просто здесь очень душно. Принеси мне воды, пожалуйста.

Стиснув руки, сжимая пальцы так, что, казалось, все суставы трещат, я смотрела, как Сальва знакомится с окружением Марко. Как ему жмут руку, как он продолжает улыбаться. А я готова зарыдать. Громко, оглушительно. Так, чтобы лопнули стекла во всем доме. Мне больно. Мне настолько больно внутри, что нет сил терпеть эту боль.

– Мам, вот вода.

Чезаре вручил мне бокал, и я жадно его осушила, не сводя глаз со своего мужа и... с того, кто звался моим мужем до него. Какая идиотская ирония.

– Ты представляешь? Дядя Сальва жив! Он вернулся! Отец сияет от радости. Я слышал, как дядя рассказывает, что провел много лет в Индонезии, а последний год жил России. Отец ворчит и ругается... Черт! Я так хотел его увидеть!

Значит, это правда... он просто бросил меня умирать и сбежал. Сбежал устраивать свою жизнь, развлекаться, наслаждаться свободой. Марко был прав... он, оказывается, знал своего брата намного лучше меня.

– Дядя Сальва, он такой крутой. Мам, ты слышишь? У него за поясом индонезийская сабля, и он...

– Хватит... мне, правда, очень душно. Помогите мне выйти на свежий воздух.

Чезаре взял меня под локоть и тут же с тревогой заглянул мне в лицо.

– Ты вся дрожишь. У тебя температура? Ты заболела?

– Куда так торопится моя невестка?

Голос прозвучал так близко, что я застыла как вкопанная, сдавив пустой бокал, и медленно обернулась. Марко и Сальва подошли ко мне. Голова закружилась, и все расплылось перед глазами на доли секунд.

– Зачем же так быстро убегать? Не здороваешься со мной, Юлия? Не поприветствуешь старого друга?

Тяжело дыша, подняла на него взгляд. Издевается. Я вижу этот триумф в глубине его глаз, вижу эту поддевку, эту прелюдию к апокалипсису.

– Разве мы были друзьями?

– Вместо «здравствуй» такие сложные вопросы о взаимоотношениях? Зачем ворошить прошлое? Какая разница кем мы были, правда? Это ведь теперь не имеет никакого значения.

Хитро улыбается. Чувственный рот такой сочный, порочный... Хотел взять мою руку, но я спрятала ее за спиной.

– Кто старое помянет, тому глаз вон? – сказал по-русски практически без акцента.

– А кто забудет – тому два, – ответила сухо тоже по-русски, еде сдерживаясь, чтобы не закричать. – Мои отец и мать не позволяют мне иметь плохую память.

– Как жаль, что ты такая злопамятная. Я рассчитывал на более теплый прием. Разве мы не одна семья?

– Юлия взволнована твоим возвращением, как и я. Поэтому не совсем готова раскрыть тебе объятия.

Сальва обернулся к Марко и, не переставая улыбаться, вкрадчиво сказал:

– Конечно взволнована, ведь ей придется мне ответить – почему она раскрыла эти объятия тебе.

Я сдавила бокал с такой силой, что он раскололся на части и порезал мне ладонь.

– Мама! – воскликнул Чезаре. – Ты порезалась! У тебя кровь!

– Принеси бинт или салфетки, – ровным голосом сказала я и даже не обернулась на сына, когда он побежал в сторону кухни.

– Думаю, нам всем нужно многое обсудить..., – примирительно сказал Марко, – давайте отпустим гостей и поговорим в моем кабинете.

– Конечно, я не стану мешать прямо сейчас. Ведь вы собирались обвенчаться? Вперед. Падре заждался... Только не забудьте ему рассказать о том, что она уже венчана!

Вот он – первый камень. Ударом прямо в сердце.

– Она или Маргарита Варская? Разве есть хотя бы один свидетель ее венчания с кем-то другим? – спросил Марко, и Сальва перевел на него взгляд. Несколько секунд молчания,

и на губах Паука снова заиграла улыбка. Марко выглядел напряженным и очень бледным. Он понимал, что мы оба сейчас ходим по краю лезвия.

– Пятнадцать лет тебя не волновал этот вопрос! Мы считали тебя мертвым!

– Это ведь так удобно! Верно... не она. А все, кто могли бы быть свидетелями, давно мертвы. Разве я стал бы жениться на дочери убогого, презренного русского торгаша, которому пустили кишки за его предательство? Я мог только ее трахать!

Марко вытянулся и почернел, а Сальва слегка откинул полу пиджака и положил руку на рукоять сабли. Мой муж судорожно сглотнул. Я ожидала, что сейчас он сцепится с Сальваторе, но этого не произошло, потому что Паук умиротворительно потрепал брата по плечу.

– Но, кто помянет старое... поэтому оставим в прошлом все, что теперь не имеет никакого значения. Я вышвырнул – ты подобрал. Пользуйся на здоровье.

– Ты..! Как ты смеешь оскорблять Юлию? Какого черта ты явился в мой дом, Сальва? Чтобы начать ссору?

– Ну что ты, братишка, какая ссора. Это так мелко.

Марко стал между нами, и его пальцы сильно сдавили набалдашник трости.

– Всего лишь заехал поздравить твою жену с днем рождения и сказать вам, что я вернулся и теперь часто буду вас навещать. Вам пришлют приглашение на мое новоселье на днях. Хорошо отметить... а я откланяюсь. Я помню, что меня не приглашали.

Чезаре прибежал с бинтом, оглянулся на Сальваторе.

– Вы уже уходите, дядя?

Паук остановился напротив моего сына, и я вся внутренне сжалась, превратилась в натянутую струну, которая вот-вот порвется. Как два отражения. Как две копии. Одна моложе, одна старше. Словно оба смотрят в зеркало. Пусть никто этого не увидит кроме меня.

– Мы еще обязательно встретимся... племянник!

На этом слове он посмотрел мне прямо в глаза и уже не улыбался. Чернота заглянула мне прямо в душу, и чудовище, которое в ней спряталось, злобно оскалилось.

Глава 5

Это единственное место, где я могла укрыться, спрятаться от самой себя, от людей, от Марко. Моя мастерская, наполненная скульптурами, кувшинами, вазами и маленькими статуэтками. Все эти годы я находила отдушину здесь, наедине с глиной, гипсом или воском, когда мои руки ваяли, а мысли витали где-то далеко... где-то в прошлом, где-то, где нет боли и страданий.

Когда-то, более десяти лет, назад я увидела, как посреди площади мастер в старой одежде, оборванном фартуке ваяет скульптуру парня. Я долго смотрела за ним. Приезжала туда и наблюдала, как постепенно комок глины приобретает человеческие черты, как из нее появляется лицо, туловище, руки и ноги, как губы статуи изгибаются в улыбке. Она оживает. Она напитывается душой художника.

Мастера звали Джузеппе Веацо, и он согласился дать мне уроки по лепке. На самом деле он согласился не умирать от голода, так как жизнь в его маленьком сарае скорее походила на медленную смерть. Около трех лет он жил в нашем особняке и учил меня лепить... Но я лишь мяла глину, но не пыталась что-то создать. Мне казалось, я не сумею.

Пока однажды не увидела сон... Как будто наяву, я прочувствовала каждое мгновение этого сна, каждую секунду. Я еще была Вереском, мои волосы заплетены в две косы, у нас дома на заднем дворе живет волк и по ночам я вылезаю из окна, чтобы стрелять из рогатки по бутылкам из-под пива, расставленным Верзилой вдоль бревна.

– Спорим ты не пройдешь по краю забора, засышь, малая.

– Спорим ты дурак, Верзила, и ты мне проиграешь.

– На что спорим?

– На что?

– Упадешь с забора – поцелуешь жука.

– Фуууу... А если не упаду, то ты залезешь на макушку вон того дерева и прыгнешь оттуда.

Улыбка не сходит с его чувственных губ, наоборот в глазах появляется блеск озорства.

– Сорвусь оттуда и весь переломаюсь.

– Ну в этом весь смысл. Если я не струшу, то и ты не струсишь. Или струсишь, Сальваторе ди Мартелли?

Глаза юного дьявола сверкнули, и я поняла – вызов принят.

– Давай, малая, полезай на забор.

Я сама вскарабкалась наверх... а потом шла по узкому поребрику, переставляя босые ноги, и думала о том, что не упаду. Я сто раз здесь ходила вот так и представляла себя гимнасткой из русского цирка, на который мы ходили смотреть зимой. Но если я не упаду этот дурак полезет на макушку дерева и свернет себе шею. Падать с забора не так опасно, как с дерева. Нарочно споткнулась и полетела вниз, чтобы ощутить, как сильные руки схватили меня за талию, не дав упасть, как подхватил, прижимая к себе. Как же близко сейчас его черные глаза с золотой каймой, как сильно пахнет от него лаймом, как ветер треплет его волосы... касаясь там, где мечтала коснуться я. Плохой ветер, ворует его у меня. Трогает то, что мне тронуть нельзя. Я ревную его даже к воздуху, которым он дышит.

– Ты чего, малая?

Потянулась и чмокнула его в щеку.

– Ты что сдурела? – рявкнул и тут же выпустил меня из рук. А я расхохоталась.

– Паууууук. Ты – Паук. А я должна была поцеловать жука! Ты вполне подходишь!

Он гнался за мной, я бежала так быстро, как могла, а когда догнал вдруг очень серьезно сказал.

– Когда-нибудь ты будешь целовать меня, Вереск. По-настоящему.

Какие темные у него глаза, какую сладкую муку они обещают и как же я хочу узнать, что значит быть любимой этими глазами.

– Скорее небо упадет на землю!

– Значит, оно упадет!

Я проснулась с этим цветущим чувством в груди, с этим ощущением полета, жизни и ... любви. Чистой, нежной и дикой. Из глины начал рождаться ОН... Мастер помогал мне ваять лицо, помогал лепить тело, подсказывая и направляя, изучая со мной анатомию человека... Но зачем мне анатомия, если перед глазами стоит тот самый образ с развевающимися волосами, которые нельзя трогать.

Марко, в очередной редкий визит в мастерскую, вдруг задержал взгляд на скульптуре и задумчиво спросил:

– Кто это?

– Не знаю. Просто скульптура.

Быстро ответила и завесила работу покрывалом.

– Она на кого-то похожа... – задумчиво сказал он и хотел сдернуть покрывало, но я не дала, завезла скульптуру в подсобку и прикрыла дверь.

– Да? Не знаю. Просто леплю из головы, а Джузеппе мне помогает.

– Молодец Джузеппе. Когда закончит давать тебе уроки, я поищу для него работу.

– Он может остаться у нас. Например, работать садовником или дворником, а? Он хороший и очень добрый. Мы ведь можем забрать его к себе?

– Я подумаю об этом.

Потом Джузеппе исчез... Просто испарился. Я искала его, Марко искал и его люди, но мастер пропал. Люди моего мужа предполагали, что он утонул в реке, когда рыбачил. Именно так и было. Его тело нашли по весне. Обглоданное рыбами с веревкой на шее. Полиция сказала, что Джузеппе покончил с собой. А все статуи, которые он лепил были реинкарнациями его умершего от пневмонии сына. Джузеппе так и не смирился с утратой. А я ужасно горько оплакивала мастера. Мне было до безумия его жаль, я тосковала по его добрым глазам, косматым седым волосам и надтреснутому голосу, который слышался мне в пустой мастерской, мне казалось, что я брошена одна и больше не смогу тронуть глину, не смогу ваять без него... ТУ скульптуру.

Марко предложил очистить мастерскую от художеств Мастера, вывезти глину и сделать там оранжерею... Но именно в тот день я вернулась к лепке сама. У меня получилось... Моя первая ваза появилась в прихожей особняка, наполненная полевыми цветами...

Я пришла сюда после того, как Сальваторе уехал и после первого за все годы брака скандала с Марко. Но что этот скандал в сравнении с феерическим появлением Паука в нашем доме и в моей жизни. Появлением, которое сулило мне возврат во все муки ада... Но разве жизнь без него была раем? Разве это была жизнь? Разве именно сейчас я не сделала свой первый вздох из-под толстого слоя земли, под которым похоронила себя, как женщину.

– Я сделал тебе предложение при всех. Мы вернемся к гостям, и ты его примешь.

Впервые Марко говорил с нажимом и безапелляционным тоном, который поднял во мне волну протеста.

– Никто не заставлял тебя делать это предложение прилюдно, не зная, какой ответ ты получишь.

Не в силах прийти в себя, думая только о проклятом Пауке, о его черных глазах и наглой ухмылке.

– А какой ответ я должен получить спустя пятнадцать лет ожидания?!

Его глаза засверкали яростью, но какой же это тусклый свет по сравнению с тем, с другим.

– Тот, на который ты рассчитывал, когда делал мне предложение впервые.

– Падре ждет! Идем в зал! Мы должны закончить церемонию!

Прихватил меня под локоть, но я выдернула руку.

– Венчания не будет!

– Это из-за него, да? Из-за его возвращения? Из-за того, что он сказал? Ты все еще помнишь его? Думаешь о нем, да?

Попыталась высвободить руку, но пальцы Марко сдавили мой локоть сильнее.

– Я бы ответила «нет» в любом случае! Сальва здесь не при чем!

– Ложь! Ты сомневалась, я видел это по твоим глазам. Я чувствовал, как в наших отношениях начались перемены, как ты потеплела ко мне, я...

– Не потеплела, Марко! Ты живешь иллюзией. Какой-то чудовищной иллюзией, которая никогда не обретет физические формы.

Схватил уже за обе руки... О, Боже, как он не понимает, что этого брака не существует, что он просто мираж в пустыне и пересыхаю я совсем не по Марко...

– Скажи, я мало для тебя сделал? Скажи, я не заслужил за все эти проклятые годы ожидания хотя бы поцелуя, хотя бы одной гребаной ласки?

Наклонился, пытаюсь поймать мои губы, но я силой его оттолкнула от себя, увернувшись от тонких губ, от его лица, которое вдруг начало казаться мне неприятным. Мы можем искренне любить друга, но эта любовь мгновенно превращается в отвращение, когда друг пытается стать любовником, совершая при этом самый кошмарный инцест с нашим мозгом. Внутри меня все взорвалось в едком и невыносимом раздражении.

– Отпусти меня! Мне больно! Слышишь? Немедленно меня отпусти! Иначе я заберу Чезаре и уже завтра ноги нашей не будет в этом доме!

– Ты никуда отсюда не уедешь! Ты не посмеешь меня опозорить! Ты – моя жена! И останешься ею до самой смерти, ясно?

На какие-то доли секунд в глазах моего мужа промелькнул какой-то нехороший блеск, нездоровый, как будто у него началась лихорадка и он вот-вот начнет бредить.

– Ты мне угрожаешь?

Блеск тут же исчез, уступив место злости.

– Нет. Я ставлю тебя в известность, что ты никуда от меня уйдешь! Выбор сделан давно и уже поздно принимать другие решения. Особенно сейчас!

Особенно сейчас? Что он имеет в виду? Возвращение Сальваторе?

– Не то что? М? Капо? Что ты сделаешь мне? Прикажешь убить?

Резко разжал пальцы, но не переставал смотреть мне в лицо, в глаза этим липким жалостливо-злым взглядом.

– Я скажу гостям, что тебе стало плохо из-за жары.

Не возразил, не стал разуверять, что прикажет убить. Развернулся, чтобы уйти, потом вдруг резко обернулся ко мне и силой привлек к себе.

– Я люблю тебя, Юля. И я никогда тебя не отпущу. Любой ценой, но ты останешься со мной рядом. Любой, понимаешь?

– Но я не люблю тебя, Марко. И ты знал об этом, когда принимал свои решения.

– Ты пообещала. Ты дала клятву оставаться со мной и быть мне верной. Взамен я заботился о твоём сыне! Никогда не забывай об этом!

– А ты обещал никогда меня в этом не упрекать!

– Мы оба нарушаем свои обещания, Юля. Прости...наверное, за все годы мое терпение дало трещину. Ты...ты так на него смотрела, как никогда не смотрела на меня! Даже пятнадцать лет не стерли его из твоей памяти!

Он ушел, а я обхватила плечи руками, содрогаясь от дрожи, как от холода. Да...я никогда и ни на кого не смотрела так, как на Сальваторе ди Мартелли, ненавистного Сальваторе, презираемого Сальваторе, омерзительного Сальваторе...любимого Сальваторе...любимого убийцу и палача, который никогда не узнает о моей любви. Я скорее сдохну, чем признаюсь ему в этом. Признаюсь, что все пятнадцать лет я думала о нем, скучала и тосковала, искала черты его лица в нашем сыне...о том, что настолько хотела быть рядом с ним, что могла бы простить ему все, что было в прошлом. Вереск простила...Но какое это имеет значение, если она умерла.

Впервые мой муж говорил со мной так. Впервые позволил себе быть грубым. Пока что я с трудом верила в то, что Марко может причинить мне зло. Он просто очень расстроился, ревнует к брату, боится меня потерять. Они совершенно не похожи с Сальваторе, и Марко никогда меня не обидит. Он любит Чезаре и всегда был добр к нам.

Прошла мимо урны, чтобы выбросить окровавленный бинт...хотела пойти дальше, но что-то привлекло мое внимание. Я вернулась и внимательно посмотрела на коробку на дне урны. Это коробка из-под конфет, которые привез Марко для Мами. Невольно наклонилась, достала коробку – ее не распечатывали. Она была полной. Ма выбросила подарок моего мужа... Но почему?

Тяжело дыша, ворвалась в мастерскую, быстрым шагом подошла к подсобке, открыла цифровой замок и со всей силы подтащила к себе нечто, накрытое белым покрывалом, вытянула на середину помещения и сдернула ткань.

Сколько лет не смотрела на НЕГО. Сколько лет запрещала себе открывать подсобку и сходить с ума снова и снова, представляя себе, что он рядом...и между нами еще нет ненависти и океанов крови. Трогать холодные губы, гладить непослушные волосы, касаться ветки вереска с стиснутым кулаке.

Пальцы прошли по выпуклым скулам скульптуры, и я сама не заметила, как прижалась лбом к аккуратному лбу статуи, как руки обхватили мощную шею, а глаза закрылись в изнеможении. Я так скучала по тебе...так скучала... и вслух тихим шепотом:

– Зачем ты вернулся?

– Чтобы напомнить тебе, что я все еще жив...

От неожиданности вскрикнула и резко обернулась, чувствуя, как пол уходит из-под ног.

Глава 6

В полумраке его лицо казалось очень бледным и вытянутым, а щетина отливала синевой. Волосы аккуратно зачесаны назад и больше не падают ему на лоб. Он похож и одновременно не похож на себя. И одно только присутствие сводит с ума, обжигает легкие осознанием, что дышу с ним одним воздухом. Пытаюсь закрыть собой статую, чтоб не видел, но он и не смотрит на нее. Он смотрит на меня. В упор, пристально, жадно.

– Что тебе нужно?

Глупый и жалкий вопрос. Я прекрасно знаю, что ему нужно. Чудовищу, смотрящему на меня из темноты. Только какой в том смысл, спустя столько времени.

– Пока еще не решил..., – сделал шаг ко мне, и я инстинктивно отступила назад. – А ты как думаешь, что мне нужно, Юля?

Да, вот так. Пусть называет меня по имени и не бередит мне душу.

– Не знаю. Тебя не было пятнадцать лет. И все эти годы ты во мне не нуждался, так чего ты можешь хотеть теперь?

Два широких шага, и он уже возле меня, схватил за лицо горячей ладонью, и мне хочется в изнеможении закатить глаза от прикосновения его рук.

– А ты нуждалась во мне все эти годы? Маленькая, хитрая карьеристка, вышла замуж, едва нашлась лазейка, чтобы сделать это, – его слова пока что звучали невинно, почти ласково, – как сильно я в тебе ошибался, считая наивной и доброй девочкой... Девочкой, которая раздвинула ляжки перед моим родным братом, не прождав меня и года! Которая трахалась с ним, как только я исчез!

Сдавил подбородок с такой силой, что у меня потемнело перед глазами.

– Я никогда не клялась тебе в верности! – сказала хрипло и сама сдвинула его руку. Мне показалось, или он вздрогнул, когда я схватила его запястье.

– Клялась! Когда стояла перед алтарем!

– Маргарита клялась! Ты женился на ней... даже не ты, а некто Винченсо... А я никогда ничего тебе не обещала, ничего кроме ненависти!

– И как? Марко хорош в постели? Дерет тебя, как сучку, или трахает медленно в миссионерской позе? Вылизывает тебя? Его язык так же искусен, как мой? Ты сравнивала нас, а?

Каждое слово заставляет пульс учащаться. Как будто пронзает меня острыми, ядовитыми иголками, распаяя, заставляя ощутить этот жуткий стыд и одновременно похоть. Потому что порождает картинки в воспаленном мозгу. Картинки, как брал меня, как ласкал, как жадно облизывал мое тело.

– Не смей... не смей опопшлять!

Склонился над моим лицом, сжигая меня горящим взглядом, испепеляя, превращая в трепещущую папиросную бумагу, которую пожирают его демоны.

– Марко всегда был умным и хитрым сученышем. Нашел лазейку... Я должен был догадаться, что вы любовники, но я слишком верил вам обоим.

– Зря верил!

Замахнулся, но вместо удара погладил по щеке. Лучше бы ударил и не трогал. Не заставлял корчиться от желания ощутить намного больше, чем эти поглаживания.

– Зря...

Склонился еще ниже, заставляя меня дышать так тяжело, как будто весь кислород в этой комнате сгорел от напряжения.

– Пятнадцать лет... а время не властно над тобой. – тронул пальцами мои брови, рисуя их, мой нос, мои губы. Вынуждая дрожать и рвано выдыхать каждый раз, когда он касается моей

кожи. – Время...лишь добавило яркости твоим чертам. Сделало тебя еще красивее. Словно назло, словно в насмешку! Проклятое, гребаное время, отнятое у меня самим дьяволом. Подлым, хитрым дьяволом с преданными глазами.

Не разобрала, о чем он, да и не хотела. Накрыл ладонью с растопыренными пальцами мое лицо, заставив всхлипнуть, когда его голос перешел с шепота на рычание.

– Открою тебе маленькую тайну, хитрая стерва, обмануть можно кого угодно, только не ЕГО...не того, перед кем ты стояла рядом со мной и клялась в богатстве и бедности. Ему плевать, каким именем ты назвалась. Плевать, была ли ты больная или здоровая. Это были ты и я.

Оттолкнула его руку, стараясь унять бешеное сердцебиение.

– Ты заставил меня там стоять. Все мои клятвы под дулом пистолета – фикция, обман. И кому, как не ЕМУ, – подняла глаза вверх, – не знать об этом. Я никогда не принадлежала тебе.

Схватил меня за руки и дернул к себе.

– Принадлежала. Всегда. С самого первого взгляда. С самой первой секунды, как посмотрела мне в глаза!

– Но ты забыл об этом на целых пятнадцать лет. Где ты был все это время?

– А ты хотела бы знать? Я видел этот жадный блеск любопытства в твоих глазах, ты до смерти хотела понять, где же я был, верно? А? Равнодушная, ненавидящая меня! Думала обо мне? Вспоминала?

– Тебе показалось. У тебя всегда была мания величия. Ни разу не вспомнила о тебе! Забыла, как ты выглядишь!

– Неужели?

Резко отшвырнул меня в сторону и остановился напротив статуи. Усмехнулся мерзко и самодовольно.

– У меня дежавю. Мне кажется, или эта статуя похожа на меня?

– Кажется. Эта статуя похожа на моего сына.

Повернулся ко мне, продолжая улыбаться.

– Твой сын тоже похож на меня.

Мое тело тут же похолодело, внутри поднялась жгучая волна протеста. Пока я беременная сходила с ума, этот самодовольный ублюдок где-то прожигал жизнь. И теперь он вот так просто вернулся, чтобы отнять у меня моего мальчика? Чтобы присвоить его себе? Чтобы заставить меня унизительно признаться в том, что я страдала без него, в том, что перестала быть женщиной, пока его не было, в том, что до сих пор люблю этого подлеца? Пришел потешить свое проклятое эго? Стало скучно спустя годы? Никогда он не дожидается таких признаний. Скорее небо упадет на землю!

– Чезаре – сын Марко. И никогда не был твоим. Я бы не родила от тебя... я всегда тебя ненавидела. За смерть моих родителей, за мою искалеченную жизнь. Все, о чем я мечтала – быть от тебя свободной и...

– Ложь!

Схватил меня за горло и вдавил в стену. Скривился так, как будто я только что сдавила ладонью его сердце. О, как бы я хотела это сделать.

– Грязная ложь!

Как же мне нравилось это болезненное выражение на его лице, как нравилось стереть это высокомерие. Ударить так же больно, как он бил меня.

– Я любила Марко и...все, чего я хотела – твоей смерти! И, когда мне сообщили об этом, я обрадовалась и вышла замуж за любимого человека! За достойного человека, за любящего и нежного отца моего сына!

Пальцы сдавили мое горло так сильно, что на последнем слове кислород больше не поступал в мои легкие. И чудовище, затаившееся во мраке, клацнуло клыками. Оно дышало мне в лицо самой смертью.

– Тогда мне очень жаль, малая, но твой любящий и нежный муж сам отдаст тебя мне... Намного быстрее, чем ты можешь себе представить.

Последним усилием, хрипом:

– Никогда! Марко не уступит тебе! Никогда!

– Каковы ставки? М? Ты уже большая девочка, и ставки будут так же высоки. – прошептал мне на ухо. – Когда ты проиграешь, приползешь ко мне на коленях и будешь умолять тебя трахнуть. При всех. И при нем тоже. Договорились?

Его язык облизал раковину моего уха, заставив содрогнуться всем телом, горящим от ненависти, злости и... возбуждения. Да, я хотела его. Сейчас. Здесь. Несмотря на бешеную, клокочущую ненависть. Ощутила эту остроту, это покалывание там внизу от того, как он сказал «умолять тебя трахнуть». Грязно, развратно. Сколько лет меня никто... сколько лет ко мне не прикасались ничьи руки, кроме моих собственных.

– А если... нет? Ты пустишь пулю себе в лоб? У всех на глазах?

И встретила с ним взглядом. Тяжелые веки Сальвы на мгновение закрылись, и заскрипели челюсти, а затем я услышала его хриплый голос:

– Даже больше – я позволю это сделать тебе.

– Считай, что ты уже мертв...

– Я и так уже давно мертв, Вереск...

Последние слова сказал у самых моих губ, почти соприкасаясь с ними, заставив меня приоткрыть рот и жадно словить его дыхание, почти закатывая глаза в ожидании поцелуя. Но его не последовало. Когда я приоткрыла веки, Сальвы уже не было в помещении, только распахнутое окно раскачивалось на петлях, и ароматом лайма пропитался воздух вместе с моей одеждой и волосами.

Глава 7

Пятнадцать лет назад

Он открыл глаза в крошечной тьме. Попытался двинуться, но ощутил, что все его тело связано веревками. Его опутали в них, как в кокон, а в рот засунули кляп. Первой мыслью было не «где я», не «за что», не «почему», а ГДЕ ОНА? ЖИВА ЛИ ОНА? И он замычал, дергаясь всем телом, всматриваясь в темноту широко раскрытыми глазами, чувствуя, как впиваются веревки в кожу.

Потом он вспомнил, как они приехали. Полицейские машины черного цвета с тонированными стеклами, как из них повыскакивали люди в камуфляже и как набросились на него, вдавливая лицом в асфальт, а он тянул скрюченные руки к ней, лежащей там в луже крови. Его обыскивали, швыряли перед носом пакет с белой дрянью и тыкали в него лицом. Он плевать хотел на все, что они говорят. Он скулил и орал, чтобы вызвали скорую, ему удалось ударить и завалить нескольких полицейских прежде, чем его снова скрутили и завалили на землю. Но он по-прежнему дико орал, что она еще живая, и замолчал, лишь когда увидел, как кто-то из полицейских тронул запястье Вереск и что-то сказал по рации.

– Живая? – хрипло спросил, снова пытаясь вырваться, но Сальваторе ударили прикладом по голове, и он вырубился.

Дальше тьма. Без времени, без воды, еды и понимания, что происходит. Только молитва Богу или Дьяволу, чтобы она не умерла. Срать на его жизнь. Он столько согрешил, что готов отправиться прямиком в ад и поджариваться там в котелке. Он солгал, когда говорил ей, что утнет за собой. Нет. Истинная любовь, оказалось, заключалась не в этом болезненном желании быть с ней рядом... она заключалась в том, что в самые острые моменты боли и ужаса он хотел, чтобы она оставалась живой. Чтобы ее сиреневые глаза смотрели на солнце, чтобы для нее цвел вереск. А он... плевать, что будет с ним.

Раздался лязг железа, и дверь со скрипом приоткрылась. Тут же включился ослепительный, сводящий с ума свет, и Сальваторе застонал от адской боли в глазах. Его схватили за шкуру и волоком потащили по ледяному полу. Он не понимал китайский, с трудом разобрал несколько слов, но они не связывались в предложения. Его называли итальянской свиньей. Это все, что он понял.

Втащили в какой-то маленький серый кабинет, усадили на стул. Как только выдернули кляп изо рта, он заорал:

– Где она? Где девушка? Где та девушка? Она моя жена, слышите? Ее отвезли в больницу? Ей помогли?

Конвоир что-то рявкнул на своем языке, но Сальва не успокоился, дергался на стуле и орал, пока его не ударили дубинкой по лицу и не зарычали по-английски «Заткнись!». Воды так и не дали. От жажды у него слиплось горло, и он постоянно кашлял. Пытался глотать слюну, но она была настолько вязкой, что сделать это не получалось. Какое-то время он сидел в кабинете совершенно один. Под потолком зудела продольная лампа, напротив стоял стул. Шло время, а к нему никто не заходил. Когда дверь наконец-то приоткрылась, он вспотел от напряжения и боли в связанных конечностях. Их было трое. Один, судя по всему, прокурор и двое полицейских-конвоиров с дубинками. На него смотрели, как на мусор, как на вонючее мясо. Никакими соблюдениями прав человека здесь и не пахло.

– Вы знаете, почему вы здесь?

Не здороваясь, не представляясь, спросил тучный мужчина и уселся напротив, доставая из папки лист бумаги и ручку.

– Нет! Скажите, где раненая женщина? Все ли с ней в порядке?!

– Прекратите ломать спектакль! Вы же сами ее подстрелили! Ее забрала скорая. Насколько известно – с ней все хорошо. Но вас должна волновать не женщина, а вы сами, господин. Вас обвиняют в хранении и в торговле наркотиками, и в покушении на убийство. При вас было найдено несколько пакетов с метамфетамином, а еще полкилограмма героина нашли в вашей машине.

– Я? В нее стреляли из машины с шанхайскими номерами! Это докажет любая экспертиза! Она была серьезно ранена. Я хочу позвонить своему брату, хочу связаться с ним. Мне положен звонок! Слышите?! Я хочу поговорить с братом! Если с ее головы упал хотя бы один волосок, я загрызу вас зубами! Слышите?

Прокурор изо всех сил ударил кулаком по столу и заставил Сальву зарычать от ярости и податься вперед, клацнув челюстью прямо перед перепуганной физиономией прокурора. Его тут же схватили за плечи и вдавили в спинку стула.

– О себе подумай, идиот! За хранение наркотиков и распространение в нашей стране тебя ждет смертная казнь! Я уже молчу про покушение! Ясно? Винченцо Браска!

– Кто? – Сальваторе подался вперед, вырываясь из рук, удерживающих его конвоиров. – Я – Сальваторе ди Мартелли, а та женщина – моя жена, и я пальцем ее не тронул. Я понятия не имею, кто такой гребаный Браска! Это не я!

– Да? А как же вот это?

Прокурор ударил ладонью по столешнице, а когда поднял руку, Сальваторе увидел паспорт со своей фотографией и с совершенно другим именем.

– В ваших карманах итальянский паспорт, загранпаспорт, кредитки и даже права. Или это поддельные документы? М? Так вас зовут по-другому, а кто-то изготовил вам паспорт? Вы въехали в Китай по поддельным документам?

Он кивнул конвоирам, и его изо всех сил ударили кулаком под дых, так, что потемнело в глазах.

– Кто дал тебе наркотики? С кем ты связан? Как ввез в страну дурь? Рассказывай, иначе тебе вышибут мозги!

– Какие на х*й наркотики? Впервые слышу!

Его ударили головой о стол, вдавили лицом в столешницу.

– Ты у меня заговоришь! Я с тебя вытащу даже то, как ваш Папа Римский трахал мадагаскарских тараканов! Понял?

– Мне положен звонок. Адвокат. Слышите?

– Тебе положена виселица, ублюдок! Но, прежде чем ты будешь телепаться в петле, ты расскажешь мне, кто снабжал тебя дурью!

Прокурор сказал что-то по-китайски и вышел из кабинета, а Мартелли стянули на пол и принялись бить дубинками и ногами до тех пор, пока он не вырубился снова.

В себя пришел опять в темноте. Тело не просто болело, оно превратилось в растерзанный кусок мяса, глаза не открывались, а дышать он мог только ртом, разбитые губы не двигались. Они так распухли, что он не мог их облизать языком. Дверь снова открылась, его подняли за волосы и влили в рот воду. Вонючую. С запахом канализации. Но ему было насрать, он так хотел пить, что выпил все, что принесли.

– Звонок... – прохрипел, но ему не ответили. Дверь снова закрылась. Ничего. Марко найдет его. Пару дней, и братишка поднимет весь Китай на уши. Главное, чтобы Вереск была жива. Остальное херня. Все можно пережить. И он переживет. Произошла какая-то долбаная ошибка. Какая-то полная хрень. Его спутали с кем-то другим. Скоро все выяснится. Надо переждать. Они обязаны дать ему адвоката.

И они дали. На следующий день его отволокли в тот же кабинет и привели щуплого, худосочного китайца, в толстых очках, говорящего по-итальянски. Он пришел с чемоданчиком, ручку которого теребил тонкими, как у скелета, пальцами и постоянно шепелявил. Ока-

залось, у него нет двух передних зубов. С какой помойки они вытащили этого адвоката? Кто ему платит?

– Меня зовут Ляо Дзы. Я ваш адвокат, синьор Винченцо.

– Я не Винченцо, твою мать! – проревел так, что адвокат подпрыгнул и отшатнулся. – Я Сальваторе ди Мартелли. Свяжись с моим братом Марко. Он сейчас должен быть в Шанхае. Пусть найдет мне хорошего адвоката, а тебе подкинет на вставные зубы.

– Я понимаю, что вы в шоке... но, если продолжите называться другим именем, вас обвинят и в подделке документов, понимаете? А это еще одна статья... статья, которая тоже тянет на смертную казнь.

– Какая на хер казнь? Вы в своем уме? В каком веке мы живем?

– В нашей стране нет моратория. После суда, если вы будете признаны виновным, вас казнят через повешенье или расстреляют, смотря как решит суд.

– Что, бл*дь?

Нет, ему не было страшно. Его скорее трясло от непонимания, что происходит, и от адского желания заставить этого придурка связаться с Марко.

– Позвони моему брату. Я дам тебе личный номер. Позвони, договорись о встрече и расскажи, что я здесь. Больше от тебя ничего не требуется. Дай мне с ним поговорить. Мне положен звонок! Или это у вас тоже не принято?

– Хорошо... я позвоню. Диктуйте номер.

Он продиктовал и с дрожью во всем теле смотрел, как адвокат набирает номер на своем сотовом. Бинго, мать вашу. Сейчас все это дерьмо прекратится.

Ухмыльнулся, услышав, как на том конце провода ответили, но улыбка пропала, когда адвокат прикрыл трубку.

– Автоответчик сообщает, что такого номера не существует.

– Что?

– Такого номера не существует. Мне жаль. У вас есть другой номер?

– Есть. Позвони на этот..., – продиктовал еще один.

С диким ожиданием впившись в лицо Ляо, но тот снова покачал головой.

– Этот номер так же отключен.

– Хорошо. Свяжись с посольством! Поговори с нашим дипломатом! Скажи, что Сальваторе ди Мартелли требует связаться с его семьей.

– Наше время закончилось, мне очень жаль. Я приду к вам через два дня. Вы имеете право молчать и не отвечать на вопросы. Постарайтесь вести себя тихо и незаметно. Ваше положение очень плачевно, поверьте. Не усугубляйте.

Конвоиры уже тащили Сальваторе к выходу, удерживая под мышки, а он кричал адвокату.

– Сообщи, слышишь? Тебя озолотят! Тебе заплатят столько, что не сможешь унести в руках! Сообщи! Брат вытащит меня отсюда! Найди Марко ди Мартелли, слышишь, ты? Ляооо!

Через два дня, все в том же кабинете, когда он вскочил со стула, увидев острое, мышиное лицо адвоката, тот прямо с порога сказал:

– Сегодня вы расскажете мне всю правду, синьор, или я ничем не смогу вам помочь.

– Ты звонил в посольство? Говорил с кем-нибудь? Они нашли Марко?

Не обращая внимание на трагический тон, перебил его Сальва.

– Звонил... Сальваторе ди Мартелли три дня назад покинул Китай на своем личном самолете вместе со своей семьей.

Наше время

Рано утром приехал курьер. Настолько рано, что я удивилась, подскочив на постели и услышав, как отворились ворота, подошла к окну и отодвинула штору, всматриваясь в утренний розовый полумрак, силясь рассмотреть, что за машина подъехала к особняку капо ди Мартелли. И это ощущение, что от него... там кто-то от НЕГО. И я не ошиблась. Проклятые бессонные ночи. Проклятый Сальваторе, из-за которого я не могла есть, спать, дышать. Как будто он вьелся мне в мозги и поселился внутри меня, чтобы сводить с ума.

Когда охранник пошел в сторону дома, в его руках был очередной букет вереска и белый конверт. Я не хотела, чтобы Марко проснулся и увидел этот букет, трогал его или читал то, что написал Сальваторе, и поэтому набросила халат и быстро сбежала вниз по лестнице.

– Гуччо, отдай это мне.

От неожиданности охранник резко обернулся и тут же смущенно опустил взгляд. Они никогда не смотрели на нас. На своих хозяев. Им было запрещено поднимать взгляды, перебить, отвечать без разрешения. Таковы правила моего мужа, и до сих пор я считала их чудесными. Меньше всего хотелось бы иметь болтливый и докучающий персонал. Протянул мне букет и конверт и покинул дом. Запах вереска тут же ударил по венам и заставил невольно наклониться и втянуть его в себя. Первым желанием было вышвырнуть букет. Даже не желанием, нет. А пониманием, что должна это сделать. Должна демонстративно отправить его в мусор. Так, чтоб это видел мой муж. Но не смогла... Как, впрочем, и оставить его себе. Во избежание очередной перепалки с Марко. Мы с ним уже несколько дней не разговаривали, и он возвращался домой поздно ночью. Но последнее, что меня волновало – это где он был. Несколько секунд размышлений, и все же подняла букет наверх в свою спальню, наполнила вазу водой и поставила колосья на подоконник.

Пальцы лихорадочно развернули белый конверт. Наверняка там приглашение и... но вместо этого увидела еще один выпавший сухой стебель и маленькую записку. Развернула дрожащими пальцами, и вся краска бросилась в лицо. Опалила кожу. Заставила шумно выдохнуть.

«Когда я подносил его к лицу, то все еще чувствовал на нем запах твоего оргазма».

Это случилось непроизвольно. Меня всю затрясло, задрожали руки, тело напряглось от невыносимого ощущения дикого возбуждения, граничащего с безумием. Я прислонилась лбом к стеклу, вдыхая запах цветов, задирая подол ночнушки, и сладостно застонала, когда пальцы вонзились в горячую, пульсирующую плоть.

И в ушах звучит его наглый, хриплый голос. На повторе.

«Когда я подносил его к лицу, то все еще чувствовал на нем запах твоего оргазма».

И мне кажется, что это он сейчас вдавил меня в подоконник и жадно ласкает руками, это его пальцы оголтело растирают затвердевший, набухший клитор, это они заставляют меня изогнуться и кончать, зарывшись лицом в цветы, задыхаясь от удушливого аромата и захлебываясь стонами, зажимая плоть ладонью и сокращаясь от наслаждения.

Сволочь! Ненавижу! Как же дико я его ненавижу! Смела рукой вазу, и она разбилась, осколки рассыпались по ковру. Ублюдок. Он знал, что я заберу цветы, знал, что не сплю, знал, что думаю о нем... Самоуверенный сукин сын... А ведь это мог прочесть Марко, и что тогда? Чего он добивался? Войны?

Я долго ползала на коленях и собирала осколки, вместе с обрывками мокрых сиреневых колосьев. Запихивала все в мусорный мешок.

Зачем он приехал? Зачемеее? Чтобы свести меня с ума? Чтобы испытать триумф от моих унижений снова и снова?

Разодрала записку на мелкие куски и выкинула в окно вместе с высохшим колоском.

Уже днем, за обедом, Марко вдруг заговорил со мной.

– Мы приглашены к Сальве на новоселье, Юля. В эти выходные. В Палермо. В наш дом. Это он его выкупил.

Я медленно положила вилку и подняла взгляд на мужа.

– И? Мы поедem?

– Конечно. Сальва – мой брат. Об этом все знают. Не поехать – означает ссору.

– А ты боишься с ним поссориться?

Темно-карие глаза Марко смотрели на меня скорее испытывающе, с любопытством. Но я видела, что мои слова его задели.

– А зачем я должен с ним ссориться? Я не видел его пятнадцать лет.

– Или ты боишься его?

Быстрый взгляд на меня, в котором промелькнула злость.

– Я капо. Я никого и ничего не боюсь. Я давно уже не тот маленький и глупый инвалид Марко, милая. Не надо меня недооценивать.

Конечно, ведь теперь у тебя свита, целый полк отморожков, готовых убивать по одному щелчку твоих пальцев.

Встал из-за стола, вытер рот и положил салфетку. Потом опять посмотрел на меня. И я не понимала этого взгляда. Марко был доволен. Его как будто распирало от чего-то, что знал он, но не знала я.

– Мы поедem на новоселье и подарим ему подарок. Подумай, что именно хотел бы он получить, и скажи Чезаре о приглашении.

Значит, он уже его принял, не посоветовавшись со мной.

– Куда ты? Ты никогда раньше не уезжал в обед?

Брови Марко удивленно приподнялись.

– С каких пор ты спрашиваешь, куда я?

– С тех пор, как он вернулся, у меня нет ощущения безопасности и покоя.

– Ты волнуешься обо мне или о нем?

Пальцы сдавили скатерть, и я ощутила комок в горле. Я не знаю, чего именно боялась, но, да, мне было страшно. Я подсознательно чувствовала, что это только начало. Паук плетет паутину и заманивает нас в свои сети. И Марко либо не видит этого, либо не хочет видеть.

– Я волнуюсь о нас, о нашем сыне. Обо всем.

– Я передам Сальве, что ты так сильно нервничаешь, и мы посмеемся над этим вместе.

– Посмеетесь вместе?

В недоумении смотрела на Марко, судорожно вдыхая и выдыхая.

– Да. Ты так старательно избегала меня в эти дни, что я не мог тебе рассказать – мы с братом встречались в Риме. Много обсуждали. У нас есть теперь общие дела и бизнес.

– Бизнес...

– Да, именно бизнес. Пятнадцать лет – это огромный срок. За это время мой брат забыл о тебе. Кроме того, ты разве не знала? Он женат. На русской красавице. Привез ее с собой из Москвы. У нее удивительное имя – Анастасия.

– Женат? Как женат?

– Вот так. Как люди женятся, Юля? Это ты заиклилась на прошлом, нервничаешь, злишься, а Сальве глубоко плевать на все, что было. Он приехал с миром и хочет сотрудничества со мной. Это ты ворошишь прошлое... и позоришь этим и меня, и себя.

Если бы он сейчас вогнал мне в сердце лезвие и прокрутил его там, я бы не испытала такой боли. Острой, резкой, неожиданной. Стало нечем дышать, и ноги ослабели. Мне показалось, что я даже могу упасть.

– Я позову слуг проветрить зал. Ты такая бледная. Тебе надо чаще бывать на воздухе. Подумай над подарком, дорогая. Мне пора на встречу с братом.

Он поцеловал меня в макушку и вышел из зала, а я рухнула на стул и принялась жадно хватать воздух пересохшими губами. Но кислород не поступал. И мне казалось, что я сейчас задохнусь.

– Цветочек мой! Что случилось?

Мама склонилась надо мной.

– О, Боже! Ты что? Тебе плохо?

Она схватила меня под руки и потащила к окну, широко его распахнула.

– Дыши. Глубоко и медленно. Вот так... Все хорошо. Все будет хорошо.

Вдох. Глубокий и очень медленный выдох.

Ее голос пробивался сквозь голос Марко.

«Ты разве не знала, что Сальва женат? Ты разве не знала...не знала...женат...Сальва женат на русской красавице».

Глава 8

Пятнадцать лет назад...

Заседание суда скорее походило на фарс. Ему не дали сказать и слова. Все это время он сидел со связанными руками с кляпом во рту и мог только бешено мотать головой, когда никто, ни одна сволочь не перевела ему ни одно слово. Он силился разобрать, что они говорят, уловить хотя бы тон, но китайский был слишком далек для него. Оставалось только стискивать пальцы и надеяться. Нет, не на чудо. Сальваторе ди Мартелли никогда не верил в чудеса. Надеяться, что найдется хоть какая-то гребаная лазейка из всего этого дерьма.

Когда оглашали приговор, его насильно подняли с кресла. Пока судья что-то зачитывал с листа, Сальваторе смотрел на людей, которые пришли в зал суда. Кто они? Зеваки? Друзья прокурора или инспектора? Это известно одному дьяволу. Какого черта все эти извращенцы делают на слушании? Какого хера сидят здесь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.